

ОЧИЙ 4 июля 1976 г.

В недавний приезд.

Фото Е. Мищенко.

Богат наш край талантами. Одних мы знаем хорошо, других — понаслышке, а кто-то для нас — открытие. И речь тут не только о художниках, писателях или музыкантах. Есть удивительные умельцы токари. Есть такие хрустальных дел мастера, что от их изделий глаз не оторвешь. В каком-нибудь отдаленном от столбовых дорог селе встречаешься вдруг с таким мудрецом-землепашцем, что только диву даешься... Сегодня мы начинаем рассказ о таких людях — людях прекрасного труда во всех сферах жизни. Мы надеемся, что вы, наши читатели, сможете нам открывать тех, кем мы с вами, брянцы, можем гордиться.

Он поет «Журавлей». Про птиц высоко в небе. Про промежуток малый в их клинообразном строю. Мне, не знавшему, что такое война, сейчас кажется, что он поет про себя. Потому что каждый солдат мог «превратиться в белого журавля...»

В дивизионную разведку, куда Виктор Беседин так стремился, он попал с трудом. Ему было всего шестнадцать, когда началась война. Она решительно находила дело каждому. Виктору, как комсомольцу, досталось сразу два: с утра он спешил в электроцех Брянского железнодорожного узла, где вместе со сверстниками замонили ушедших на фронт, а вечерами — на ночные дежурства. Переведенные на казарменное положение, они охраняли железную дорогу и пред-приятія, выслеживали вражес-

ких лазутчиков, которые при ночных налетах наводили немецкие бомбардировщики на важнейшие объекты.

Какой мальчишка не мечтал ловить шпионов! Но суровая реальность первых месяцев войны быстро глушила романтику, которая заменялась новым чувством, будничным, но более высоким — сознанием своего долга перед Родиной, ответственности за ее судьбу.

Когда фронт приблизился к Брянску и предприятия стали эвакуировать, Виктор сказал дома:

— Мама, я ходил в военкомат. На фронт меня не берут. Поэтому я должен ехать с цехом.

Собираясь, он долго держал в руках двадцатилетней давности фотографию. На ней — группа подростков одних с ним лет. Члены железнодорожной

Знатные люди нашего края

комсомольской ячейки. Полушубки, перетянутые ремнями, винтовки, на переднем плане — пулемет. Сфотографировались перед отправкой на фронт. Среди них и его отец Андрей Игнатьевич Беседин. Лицо, как у всех, со средоточенное, взгляд прямой, решительный. Теперь наступало время его, Виктора поколения...

Эвакуирова-лись они в Горький, где Виктор продолжал работать электрослесарем. Там, наконец, он добился, что его раньше срока призывали в армию, определили в минометчики. Только ка-кой из него мог быть минометчик? Тут нужны люди комплекции и силы грузчика. А он? Невысок, худ. Вот в разведку бы — дело другое.

Когда в детстве играли над Десной, в «Соловьях», в войну, никто лучше Виктора не мог доставить важный пакет или узнать, где спрятались мальчишки с соседней улицы.

Настоящая война началась для парня под Ельней. Бои были тяжелые, кровопролитные.

В том грозном, 1944-м...

Репродукция Ан. Лапина.

Уже через несколько месяцев их дивизию вывели на переформирование. Тут-то и удалось Виктору перейти в разведчики. Вначале, правда, чуть все не сорвалось. Когда разведчиков построили, командир сразу шагнул к Беседину, недовольно спросил:

— Пионер, что ли? Винтовку-то хоть видел?..

— Я с фронта, — обиженно ответил Виктор. — А перед этим фашистских ракетчиков ловил.

— Молодец! — командир с интересом рассматривал худенького, тонкошею Виктора. А он и впрямь оказался храбрым и находчивым разведчиком. Товарищи подшучивали: «Наш Витя не то что через вражескую оборону, а через игольное ушко пройдет. Никакой тебе комплекции, одна настырность». Еще были у Беседина зоркий глаз, цепкая память и то, что ценится на войне, может, как сухари, табак или патроны, — душевность.

Лучше всего она выражалась у него через песни, которых он знал великое множество. Петя Виктор любил с детства. До сих пор помнит золотые дни занятий в детской секции клуба имени Фокина. Помнит, как в пионерском лагере получил свою первую награду — портфель и перочинный нож. И даже те, отмеченные первым призом, песни помнит — «Москву майскую» и «Метелицу».

Теперь его аудиторией были то холодный окоп, то шатер, раскинутый в гостеприимной ельи, а то и просто ложбинка, что укрывала разведчиков от непогоды и неприятельского глаза. Пел «Утес», «Стеньку Разина», «Ямщика», «Катюшу», пел все, что просили и что знал. Его голос, мягкий, заду-

шевный и сильный, долетал и до руководителей армейского ансамбля песни и пляски. Пригласили. Уговаривали:

— Песней ты, парень, больше пользы принесешь.

Он улыбался:

— Может, и так, но пуля верней.

Однажды из рейда, в котором разведчики попутно раз-

громили немецкий обоз, они притащили аккордеон, и теперь послушать Виктора охотно приходили и из других подразделений. Беседин никогда не отказывался. Чувствовал: нужны, очень нужны его песни товарищам. Да и ему самому. Со стороны казалось, что воевалось ему, как пелось. Никогда ни жалобы, ни упрёка. Всем оставшимся в живых Викторовым товарищам навсегда запомнились Пинские болота. Трясину не сковывали даже морозы. Разведчики же торных дорог не знают. Однажды группа, в которую входил и В. Беседин, получила задание проникнуть в глубокий тыл врага и установить, где расположился штаб крупного немецкого соединения, прибывшего на этот участок фронта.

— Мы пошли через самые топи, — вспоминает Виктор Андреевич. — Сделав большой крюк, вышли на немецкие коммуникации, устроили засаду. И тут были вознаграждены за все: прямо на нас выползла колонна штабных машин с танкеткой. Нам помогла внезапность. Колонну мы разгромили, захватив ценные документы и полковое знамя. В наших руках оказалось и несколько офицеров.

На гимнастерке юного разведчика засиял орден Отечественной войны II степени. Но он оказался единственным. На бе-

лорусской земле, когда наши войска неудержимо устремились вперед и у разведчиков было особенно много работы, Беседина тяжело ранило. Друзья вынесли его из боя, отправили в медсанбат. И уже оттуда Виктор попал в Горький, в госпиталь.

И там ему помогала песня. Прикованный к больничной

койке, он своим чистым, приятным голосом негромко напевал то «Полюшко-поле», то «Вечер на рейде», а чаще всего — «Утес». В словах этой песни теперь, после Сталинграда, бойцы находили особый, такой близкий им смысл. Прямо в палате Виктор спел «Утес» и народному артисту СССР Александру Пирогову, который выступил в госпитале с концертом и тоже пел «Утес».

Пирогов внимательно слушал разведчика, присев около него на табурет. Когда тот кончил, сказал, улыбаясь:

— Разве ж так можно, голубчик? Так ты у меня хлеб отобьешь...

Прощаясь, знаменитый артист дал Беседину свой московский адрес.

— С таким голосом, браток, тебе учиться надо, — сказал он. — Поправишься — приезжай, помогу.

К тому времени, когда Виктор выписался из госпиталя, в Москве оказался его отец, служивший мастером в железнодорожном восстановительном поезде. С ним они и решили, что Виктор оставит мечты о сцене и пойдет учиться в изостудию при Доме союзов.

— Рисовал я неплохо, — рассказывает Виктор Андреевич, — и меня приняли сразу на второй курс. Пouchился я немного и тут увидел объявление: «Московская консерватория объяв-

ляет набор учащихся...» Дрогнуло сердце...

Рекомендовал его собственный голос. Заниматься он стал у выдающегося артиста и замечательного педагога Н. Н. Озерова. С А. Пироговым ему все же вскоре пришлось встретиться. И где? В Брянске! Учась, Виктор пел в Московской хоровой капелле. На гастроли, в которые входил и родной город Беседина, с капеллой поехал и А. Пирогов.

— Ты что ж старших не слушавешься? — притворно хмуря брови, сказал знаменитый певец. — Или знаясь не хочешь?..

Получив консерваторский диплом, Беседин выбрал не театр, не радио или телевидение, а эстраду.

— Когда пою, — говорит Виктор Андреевич, — хочу видеть живые человеческие глаза. Всегда кажется, что пою не для аудитории вообще, а для кого-то одного — дорогого.

С песней наш земляк объездил всю страну. Часто забирался в такие края, где до него никто из деятелей культуры еще не бывал. Например, на тюменские нефтепромыслы, на газовые разработки Надыма, к рыбакам Сахалина, к первым строителям Братской ГЭС. Он побывал во многих странах — и в близких, и в далеких. Везде пел с большим удовольствием, и принимали его неизменно восторженно. Но есть среди всех земель и народов уголок, куда он стремится с особым чувством — сыновним. Это наш город. В нем живет его старенькая мама, Ульяна Георгиевна, его сестра, Евгения Андреевна, которая и привела его когда-то в клуб имени Фокина.

— Я рвусь в Брянск, — говорит Виктор Андреевич. — Выходя на сцену, волнуясь, как нигде.

Заслуженный артист республики, страстный пропагандист советской песни и прекрасный ее исполнитель, В. А. Беседин одинаково быстро находит путь к сердцам и тех, кто, как он сам, прошел через войну, и тех, кто родился и рос под чистым мирным небом.

Вл. ВАСЕНКОВ.